

строителей, включая каменщиков, которые становились членами Ордена, пользуясь всеми преимуществами такого положения, такими, например, как освобождение от налогов²². —

За долгую историю великих кафедральных соборов странная символика их убранства озадачивала специалистов во многих областях. И только недавно они увидели, что это такое: несомненно, то были зашифрованные эзотерические знания тамплиеров. Грэм Хэнкок, анализируя священную архитектуру древних египтян, отметил, что «в

Европе ей равны только великие кафедральные соборы Средневековья, такие как Шартрский», и задал вопрос: «Было ли это случайным?» Далее он пишет:

*«Я давно подозревал, что здесь имеется связь с Рыцарями Храма. Их открытия во время крестового похода, возможно, образовали недостающее звено в цепи наследования тайных архитектурных знаний.... Святой Бернар, патрон тамплиеров, дал определение бога — поразительное для христианина — как «протяженность, высота и глубина». Не могу я забыть и того факта, что сами тамплиеры были великими строителями и архитекторами, или то обстоятельство, что монашеский Орден цистерцианцев, к которому принадлежал Святой Бернар, также славился в этой области деятельности человека».*²³

Проект кафедрального собора составляли, принимая во внимание — *воплощая* — принципы священной геометрии²⁴. А именно идею, заключающуюся в том, что определенные геометрические пропорции есть отражение божественной гармонии, что некоторые пропорции более божественные, чем другие. Это же подчеркнуто в максиме Пифагора «число есть все» и является следствием концепции герметиков, что математика есть язык, на котором Бог говорит с Человеком. Адептами такой эзотерической архитектуры были художники и архитекторы времен Ренессанса, для которых золотое сечение, в их понимании идеальная пропорция, значило немногим меньше, чем всеобщая панацея. Золотое сечение было общим знаменателем их мышления, а концепцией священной геометрии была пропитана вся их интеллектуальная жизнь. Рисунки Леонардо, будь то изображение человека или машины, цветов или морской волны, доносят до нас веру художника в смысловое значение геометрических очертаний и в гармонию пропорций, а в одном из наиболее знаменитых рисунков *Vitruvian Man* в буквальном смысле включено золотое сечение²³.

Легендарный Храм Соломона был для тамплиеров, так же как позже для масонов, драгоценным цветком, воплощением священной геометрии. Он был не только высшее блаженство для глаз, видевших его или молившихся в нем, но и нечто большее для восприятия, не укладывающееся в обычные пять чувств. Храм резонирует уникальным, трансцендентным образом со звездной гармонией небес, его длина, ширина, высота и глубина полностью отвечают пропорциям, которые так любит Вселенная. Храм Соломона был самой душой Бога, отображенной в камне.

Многие современные туристы бывают озадачены каменным убранством старых кафедральных соборов, которые явно несут в себе астрологическую символику. Конечно, может быть, такой турист подумает, что неоспоримый знак Овена, вырезанный на главном портале над входом такого уважаемого храма, случайность, проказа отдельного масона? Но снова и снова во многих совершенно разных соборах имеются эти знаки — и никогда они не бывают случайными.

Вся возвышенная символика, которую можно увидеть на соборах, в свое время легко читалась посвященными и отражала многовековой давности изречение герметиков: *что наверху, то и внизу*. Считается, что эта фраза была записана на *Изумрудной скрижали* Гермеса Трисмегиста, легендарного египетского волшебника, или мага, хотя сама фраза могла быть еще старше. Слова означают, что все на земле имеет свой аналог на небесах и